

18+

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ

ДЖОН НОРВИЧ

Джон Норвич

Краткая история Франции

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 94(44)
ББК 63.3(4Фра)

Норвич Д. Д.

Краткая история Франции / Д. Д. Норвич — «Азбука-Аттикус»,
2018

ISBN 978-5-389-17173-2

Известный британский историк и автор Джон Норвич дает всесторонний обзор прошлого страны, сделавшей для европейской культуры больше любого другого государства. «История Франции – это не только Наполеон, Жанна д'Арк и Людовик XIV. Я расскажу о судьбе несчастных тамплиеров в руках одиозного Филиппа Красивого и о событиях, произошедших с его дочерьми в Нельской башне; о прекрасной мадам де Помпадур и противоречивой мадам де Ментенон; о Луи-Филиппе, почти забытом сегодня, но, наверное, лучшем короле в истории страны; и это только начало. Первая глава в быстром темпе сопровождает нас от галлов и Юлия Цезаря до Карла Великого, охватив около восьми столетий. Последняя глава расскажет о пяти годах Второй мировой войны – 1945 год заканчивает одну эпоху и начинает новую». (Джон Норвич)
В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 94(44)
ББК 63.3(4Фра)

ISBN 978-5-389-17173-2

© Норвич Д. Д., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Пролог	7
1. Очень темные времена. 58 до н. э. – 843 н. э.	13
2. Их саморазрушение неизбежно. 843–1151	21
3. Эскалибур в подарок. 1151–1223	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Джон Норвич

Краткая история Франции

John Julius Norwich

France. A History: From Gaul to de Gaulle

© John Julius Norwich, 2018

© Строганова О. В., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019

КоЛибри®

* * *

Джон Джулиус Норвич – один из известнейших британских историков, дипломат. Получил образование в Колледже Верхней Канады, Итонском колледже, Страсбургском университете и Новом колледже в Оксфорде. Служил в посольствах Великобритании в Белграде и Бейруте, был членом палаты лордов парламента. Автор более 35 книг, включая вышедшие на русском языке: «Нормандцы в Сицилии», «Расцвет и закат Сицилийского королевства», «История Византии», «История Венецианской республики», «Срединное море», «История Англии и шекспировские короли» и «История папства». Автор и участник свыше 30 исторических документальных фильмов на канале BBC.

Бесценное приобщение к истории Франции с первых лет ее существования по начало XX века.

History Revealed Magazine

Превосходно написанная книга об историческом пути Франции – следствие глубокой любви автора к этой стране.

Sunday Times

Поучительное введение в историю войн, в которых принимала участие Франция.

Times Literary Supplement

Беспорным украшением исторической эпопеи служат рассказы о любвеобильных королях, свирепых эпидемиях и легендарных трапезах.

Times

История в изложении Джона Норвича – все равно что дружеская интеллектуальная беседа у камина.

Sunday Independent

Восхитительно легкое и изящное повествование о двух тысячах лет французской истории.

Daily Telegraph

Посвящаю своей маме. Она первая привезла меня во Францию и научила любить эту страну, как любила ее сама

Искренне благодарю Джорджицу Лейкок, Каролину Уэстмор, Джулиет Брайтмор и Дугласа Мэтьюза – всех, кто в John Murray publishing house так усердно работал над изданием этой книги.

Пролог

«*Toute ma vie, je me suis fait une certaine idée de la France*» («За годы жизни я составил свое представление о Франции»). Эта первая фраза из воспоминаний генерала де Голля теперь известна во всем мире. Я тоже (конечно, более скромным образом) всегда лелеял именно собственный образ Франции. Думаю, он строится на детских впечатлениях от первой поездки в сентябре 1936 г. Мне было около семи лет, и мама на пару недель взяла меня в Экс-ле-Бен, главным образом чтобы отучить от английской няни. Я и сейчас вижу, будто это было вчера, волнующую переправу через Ла-Манш, массу носильщиков в сине-зеленых блузах, от которых сильно пахло чесноком, толпу, говорящую по-французски (который я уже хорошо понимал, с пяти лет занимаясь дважды в неделю), бескрайние поля Нормандии, непривычно лишенные живых изгородей, затем парижский Северный вокзал в сумерках, полицейских в *kepis* (кепи) и с белоснежными жезлами, потом момент, когда я впервые увидел Эйфелеву башню. В Эксе мы оказались в скромном пансионе с красивым садом, где молодая девушка по имени Симона¹ приглядывала за мной, пока мама ходила на процедуры. Симона с утра до вечера болтала со мной по-французски.

До войны было еще две поездки. Одна – с обоими родителями на неделю в Париж, во время которой мы сделали все, что обычно делают туристы. Прокатились по Сене на *bateau touche* (речном трамвае); сходили в Лувр, в котором я ужасно скучал, и в Музей канализации, где мне было очень интересно, поднялись на Триумфальную арку, откуда вид на Париж гораздо лучше, чем с Эйфелевой башни, с которой город виден как будто бы из самолета. Конечно, на Эйфелевой башне мы тоже побывали, и не только забрались на самый верх, но и пообедали в великолепном ресторане. Мой папа говорил, что это его любимый ресторан в Париже, потому что только из него не видно самой башни. Помню, меня поразило большое количество кафе по всему городу, во многих из них люди ели на улице; в предвоенном Лондоне кафе было сравнительно немного, а о столиках на тротуаре практически никто не слышал. Еще запомнил, что почти все подростки носили береты и брюки гольф, сотни мальчишек регулярно собирались на большом рынке для филателистов на круглой площади в начале Елисейских Полей². Через восемь лет, когда мой отец стал послом, мы вели совсем другую жизнь. Я по-прежнему учился в школе, но теперь каникулы всегда проводил во Франции (включая Рождество 1944 г., когда еще шла война) в настоящем дворце. Hôtel de Charost на улице Фобур Сент – самое красивое, на мой взгляд, посольство в мире. Когда-то дворец принадлежал сестре Наполеона Полине Боргезе, затем его купил герцог Веллингтонский, после сражения при Ватерлоо короткое время служивший британским послом во Франции, а последние двести лет в нем находится посольство Великобритании. Зимой 1944 г. стояла очень холодная погода, и посольство оставалось одним из немногих в Париже теплых мест; к тому же там рекой лились виски и джин, которых не было во Франции с начала войны, и каждый вечер собирался парижский *beau monde* (высший свет) начиная с Жана Кокто. Вскоре эти вечера превратились в установленную практику и получили название *Salon Vert* (Зеленая гостиная). Хозяйкой салона была поэтесса (и близкая подруга моего отца) Луиза де Вильморен, которая порой жила в посольстве неделями. (Моя мама, не зная, что такое ревность, любила ее не меньше отца, и это никого не удивляло: де Вильморен была одной из самых обворожительных женщин, которых мне приходилось встречать. Мы подружились, она научила меня петь разные красивые французские песни, которые я и сейчас люблю распевать под гитару после обеда.) В салоне бывало мало политиков, но

¹ Потом она родила девочку (думаю, от американского солдата), которую назвала «Диана Уэлком» в честь моей мамы. – Здесь и далее, если не указано иное, прим. автора.

² Я тоже страстно собирал марки, пока мой китайский друг не сказал, что филателия меня никуда не приведет.

много писателей, художников и актеров. Помню одного регулярного посетителя, театрального художника Кристиана Берара, его всегда звали Бебе. Однажды он принес маленького мопса, который сразу оставил на ковре маленькую твердую какашку. Бебе, не задумываясь, поднял ее и положил себе в карман. Моя мать потом сказала, что он проявил наилучшие манеры. На вечера приходили отнюдь не только французы; собирались англичане, американцы и все, кого знали и с кем сталкивались мои родители.

Оглядываясь на те дни, я могу лишь пожалеть, что не был на два-три года постарше: все эти знаменитые люди оставались для меня просто людьми. Я называл Жана Кокто Жаном, смешивал ему сухой мартины, но не читал ничего им написанного. Если бы в 1944 г. мне было не пятнадцать, а восемнадцать лет, я бы узнал и понял гораздо больше. Но хватит: больше никаких жалоб. Спасибо, что я вообще видел таких людей.

Мой отец планировал свои рабочие поездки так, чтобы они совпадали с моими каникулами, поэтому мы посетили каждый уголок страны. На Пасху 1945 г., когда война подходила к концу, мы поехали на юг (мимо ржавеющих и сгоревших танков), и я впервые увидел Средиземное море, голубизну воды которого (после серовато-зеленой в Ла-Манше) я никогда не забуду. В 1946 г. мы со школьным товарищем на велосипедах проехали Прованс от Авиньона до Ниццы. Наше путешествие удалось только частично, помешала сильная жара и плохое качество дорог, поврежденных боевыми действиями, – шины постоянно спускали (камеры шин были прочные). В 1947 г., ожидая призыва во флот, я шесть месяцев прожил с замечательной эльзасской семьей в Страсбурге, ходил в университет на занятия по немецкому и русскому языкам (русский я начал изучать еще в двенадцать лет по лингафонному курсу). Мне очень нравилось в Страсбурге, если не считать страшного смущения, в которое меня вводили постоянные попытки квартирной хозяйки лишить меня девственности, зачастую за пять минут до прихода домой ее мужа. (Теперь-то я думаю, что, наверное, она рассказывала ему об этом в постели, и они вместе хихикали.) В конце того года мы покинули посольство и поселились в отличном доме у озера рядом с Шантийи. В это время Франция стала моим единственным домом, и моя любовь к ней росла и росла.

Еще живя в посольстве, я первый и последний раз встретился с генералом де Голлем. 6 июня 1947 г., в третью годовщину высадки в Нормандии, после поминальной службы на берегу, был большой фуршет в ближайшем к этому месту отеле. По какой-то причине я не попал туда накануне вечером вместе с родителями, поэтому поехал уже утром. Мне было семнадцать лет, и это была моя первая самостоятельная поездка за рулем. Я рассчитывал приехать к обеду, но безнадежно заплутал в узких проселочных дорогах Нормандии без всяких указателей и добрался, когда фуршет заканчивался. Отец представил меня генералу. Он, к моему удивлению, встал, чтобы поздороваться, развернувшись во весь свой огромный рост. Я был очень польщен, но при этом страшно голоден, а еда уже закончилась. Осталась всего одна тарелка – генерала де Голля, на ней лежал явно нетронутый большой кусок яблочного пирога. Я не мог оторвать от него взгляда. «Как ты думаешь, он будет есть пирог?» – спросил я мать. «Откуда я знаю, – ответила она, – лучше спроси генерала». Последовала короткая битва между голодом и застенчивостью, победил голод, и я подошел к столу де Голля. «*Excusez-moi, mon général*, – залепетал я, – *mais est-ce que vous allez manger votre tarte aux pommes?*» («Простите, мой генерал, будете ли вы есть свой яблочный пирог?») Он тут же с легкой улыбкой подал мне тарелку и извинился, что уронил в нее пепел со своей сигареты. Понимая, что, наверное, захожу слишком далеко, я сказал, что для меня будет честью съесть генеральский пепел – мое высказывание имело успех. Это была моя единственная беседа с этим великим человеком; в отличие от большинства тех, что с ним имели мой отец и Уинстон Черчилль, она прошла в исключительно доброжелательном ключе³.

³ Мой отец повторял, что говорить с де Голлем – все равно что с Эйфелевой башней.

Я написал эту книгу не для историков, профессионалы не найдут в ней для себя ничего нового. Знания же большинства людей об истории Франции поразительно фрагментарны. Как правило, знакомство ограничивается Наполеоном, Жанной д'Арк и Людовиком XIV – и это всё. Я учился в трех школах, и нам рассказывали только о тех сражениях, в которых победили англичане: Креси и Пуатье, Азенкур и Ватерлоо.

Итак, вот перед вами моя попытка заполнить пробелы. Я расскажу о судьбе несчастных тамплиеров в руках одиозного Филиппа Красивого и о событиях, произошедших с его дочерьми в Нельской башне; о прекрасной мадам де Помпадур и противоречивой мадам де Ментенон; о Луи-Филиппе, почти забытом сегодня, но, наверное, лучшем короле в истории страны; и это только начало. Первая глава в быстром темпе сопровождает нас от галлов и Юлия Цезаря до Карла Великого, охватив около восьми столетий. Но затем скорость нашего движения будет постепенно снижаться. Последняя глава расскажет всего о пяти годах Второй мировой войны. И на этом я завершу свой рассказ. Все книги по истории должны иметь четко определенную конечную точку; если ее нет, то повествование растягивается до современности, и хотя я мог бы, наверное, охватить Вьетнам и Алжир, но ничто не заставило бы меня взяться за Европейский союз. Нет, 1945 год заканчивает одну эпоху и начинает новую. Четвертой и Пятой республикам придется поискать себе другого летописца. (На самом деле они уже нашли нескольких.)

Во вступлении автору обычно разрешается добавить что-то личное; однако в самой книге таких вольностей, как правило, не ждут. Должен признать, что в последних двух главах я иногда нарушал это правило. В 1937 г. моего отца Даффа Купера назначили первым лордом Адмиралтейства (так величественно называли тогда министра военно-морских сил), он подал в отставку, тем самым выступив против соглашения Невилла Чемберлена с Гитлером в Мюнхене. В 1940 г. отец вошел в правительство Уинстона Черчилля в качестве министра информации, затем выполнял секретную работу сначала на Дальнем Востоке, а потом в Лондоне. В январе 1944 г. он стал британским представителем при Французском комитете генерала де Голля в Алжире, а в августе, сразу после освобождения Франции, – послом Великобритании в Париже. На всех этих постах он так или иначе входил в историю страны; мне никак не удалось исключить его из повествования.

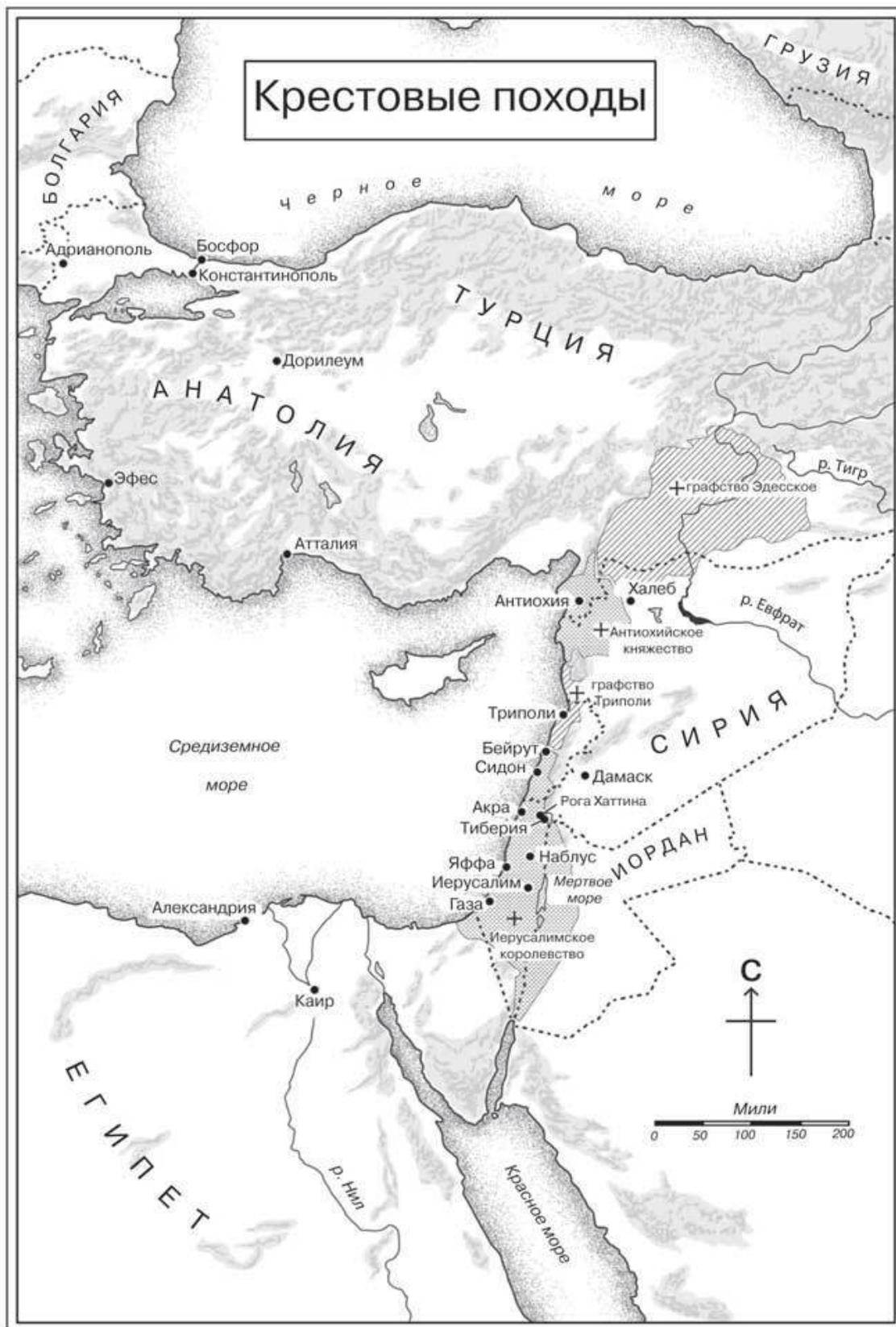
Я нагрешил и в других моментах, больше всего в последовательности, которой мне всегда не хватало. На последующих страницах читатель найдет и английские, и французские варианты одних имен – Джонов и Жанов, Генрихов и Анри. Выбор варианта диктовался иной раз желанием избежать путаницы, но гораздо чаще простым благозвучием – и я хорошо понимаю, что имя, которое, с моей точки зрения, звучит верно, другим может показаться чуждым. Если так, мне остается только принести свои извинения.

Эта книга практически наверняка мой последний труд. Я наслаждался каждой минутой работы над ней и считаю ее своеобразным выражением признательности Франции за все то счастье, что эта страна дарила мне долгие годы.

Лондон, март 2018 г.

1. Очень темные времена. 58 до н. э. – 843 н. э.

*La Gaule unie
Formant une seule nation
Animée d'un même esprit
Peut défier l'Univers⁴.*

Надпись на памятнике Верцингеториксу

Французскую армию, как и английскую, составили народы самой разной крови: лигуры, иберы, финикийцы, кельты и еще около пяти сотен различных племен древней Галлии. Однако доисторические времена лучше оставим специалистам. Наверное, стоит отметить, что примерно в 600 г. до н. э. отважные греки из города Фокея, что на Эгейском побережье Малой Азии, основали Марсель, но от них, увы, не сохранилось никаких памятников, да и вообще следов греческой культуры на французской земле дошло до нас совсем не много. История по-настоящему начинается ближе к концу II в. до н. э., когда римляне завоевали юго-восточную часть современной территории Франции. Они создали там свою первую провинцию (отсюда и название, которое до сих пор носит регион, – Прованс), заложив в качестве столицы новый городок – Аквы Секстиевы, современный Экс-ан-Прованс. За столицей последовали другие прекрасные города, в первую очередь Ним, Арль и Оранж. Плиний Старший считал, что эта земля «больше похожа на Италию, чем на провинцию». Должно быть, в те дни она была прекрасным местом для жизни.

Если попросить человека назвать первого знаменитого вождя во французской истории, немногие за пределами Франции углубятся в века дальше времени правления Карла Великого. Однако сами французы считают своим первым национальным героем Верцингеторикса. Его имя в переводе с галльского означает либо «повелитель – великий воин», либо «повелитель великих воинов». Особенно впечатляет, что все письменные свидетельства о Верцингеториксе исходят от римлян, то есть от тех, кто больше всех выигрывал от умаления его славы. Юг Франции был первой и наиболее прибыльной провинцией Римской империи – на самом деле настолько доходной, что хозяева страстно желали ее расширить. Увидев, что приграничная Галлия, как говорил об этом Цезарь, «разделена на три части», коварные римляне решили воспользоваться бесконечными распрями между тремя враждующими племенами. Гай Юлий Цезарь всегда заявлял, что вторгся в Галлию в 58 г. до н. э. прежде всего для того, чтобы превентивным ударом защитить от нападений земли Рима. Римская провинция подвергалась постоянным набегам (порой весьма жестоким) галльских племен на севере, и он решил предотвратить проблемы, которые могли возникнуть в будущем. Наверное, в какой-то степени это правда, и Галльская война, безусловно, позволила Риму установить естественную границу по Рейну. Однако Цезарь, как известно, был честолюбив. Римская республика быстро превращалась в диктатуру, власть постепенно концентрировалась в руках все меньшего количества людей. Чтобы в итоге получить всю полноту власти, Цезарю требовалось иметь в своем распоряжении армию, и крупная военная кампания в Галлии обеспечивала ему такую возможность.

Отдельные галльские племена к тому времени уже достигли определенного уровня цивилизации, но в целом противостоявшие Цезарю галлы, по сути, еще оставались варварами. Они не строили поселений, достойных называться городами. Их деревни мало отличались от скопленных лачуг из переплетенных ветвей, покрытых саманом. Галлы покрывали жилища соломой

⁴ Объединенная Галлия, / Собранная в единую нацию, / Воодушевляемая общим порывом, / Может спорить с целой Вселенной.

и ограждали их примитивным частоколом. О земледелии они знали мало и практически им не занимались, будучи скорее скотоводами, чем фермерами; держали овец, свиней и охотились на оленей, которые тогда водились в изобилии. Галлы славились своей воинственностью и обожали боевые схватки. В искусстве верховой езды они, пожалуй, превосходили даже римлян, и, хотя их вооружение уступало римскому, отвага и решимость, вкупе с численностью войска, делали галлов грозными противниками. В нескольких, исключительно кровавых, столкновениях они победили, а причиной их окончательного поражения в войне, скорее всего, послужил тот простой факт, что родоплеменная организация галльского общества не позволяла им достичь необходимого уровня политического единства.

В значительной степени по той же причине в первой половине войны галлы не выдвинули из своих рядов заметных лидеров, но уже в 52 г. до н. э., когда Цезарь отправился набирать войска в Цизальпинскую Галлию⁵, 31-летний Верцингеторикс стал вождем племени арвернов, населявших район современной Оверни. Он немедленно начал налаживать связи с окрестными племенами и вскоре создал немалую армию. Первой задачей вождя было убедить галлов в том, что враги для них – римляне, а не собственные соседи. Верцингеторикс оказался прекрасным стратегом. В первой своей битве с захватчиками при Герговии в Центральном массиве он одержал решительную победу. По словам самого Цезаря, римляне потеряли около 750 легионеров, включая 46 центурионов. Этот блистательный молодой полководец представлял серьезную угрозу Цезарю. Решив изгнать римлян со своих территорий любой ценой, Верцингеторикс применил тактику «выжженной земли». Все поселения, которые могли дать врагу продовольствие и кров, уничтожались: такая партизанская война, однако, обходилась жителям не менее дорого, чем захватчикам. Ход событий изменился, когда битуриги не захотели покидать богатое запасами поселение Аварик, считая, что их защитят естественные преграды (Аварик располагался на холме, окруженном болотами). Верцингеторикс неохотно уступил, но разумность его тактики подтвердилась, когда римляне все-таки взяли городок. А в следующем сентябре при Алезии⁶ Цезарь одержал решающую победу. Отступающих галлов перехватила римская кавалерия и уничтожила почти всех. Среди немногочисленных выживших был и сам предводитель галлов. На следующий день он официально сложил оружие. Великий греческий историк Плутарх, писавший примерно в 100 г. н. э., рассказывал, что Верцингеторикс, «главный вдохновитель и руководитель всего галльского сопротивления», прежде чем выехать за ворота, надел лучшее вооружение и богато украсил коня. Затем он торжественно объехал вокруг возвышения, на котором сидел Цезарь, спешился, сорвал с себя доспехи, сел у его ног и спокойно оставался на месте, пока его не взяли под стражу.

Должно быть, он хотел совершить самоубийство, как, по всеобщему мнению, столетие спустя поступила после поражения королева Бодикка. Вместо этого Верцингеторикс пять лет провел в заключении, затем во время триумфальной процессии Цезаря прошел по улицам Рима и наконец принял традиционную смерть от удушения. В XIX веке, в основном благодаря Наполеону III, его прославили как первого великого французского патриота. В Клермон-Ферране стоит великолепная статуя молодого военачальника на скачущем коне, а на предполагаемом месте последней крупной битвы Верцингеторикса установлен памятник с надписью на постаменте, процитированной в начале этой главы. Героя украшают чрезвычайно пышные длинные свисающие усы, которым редко находились соперники до времен Жоржа Клемансо.

Война тянулась еще пару лет, но после битвы при Алезии Галлия почти во всех отношениях романизировалась. Видит бог, у галлов было мало причин любить своих завоевателей: Цезарь обращался с ними жестко (нередко жестоко) и не выказывал никакого уважения. Он

⁵ Часть Галлии на юго-восточной (то есть итальянской) стороне Альп. Эту территорию римляне завоевали во II в. до н. э.

⁶ Крепость Алезия исчезла без следа, и сейчас много спорят о том, где она в действительности находилась. Наиболее вероятное место – холм под названием Мон-Осуа, возвышающийся над селением Ализ-Сент-Рен в Бургундии, хотя историки и затрудняются при соотнесении карты местности с описанием битвы у Цезаря.

безжалостно грабил и разорял, отнимал золото и серебро и тысячами продавал пленников в рабство. Но со временем галлы стали замечать и положительную сторону произошедших событий. Ничто не объединяет людей лучше, чем общий враг, и под римским правлением они сплотились, как никогда раньше; их родоплеменная система попросту отмерла. Были созданы три римские администрации для провинций Кельтика (со штаб-квартирой генерал-губернатора в Лионе), Белгика (примерно соответствует современной Бельгии) и Аквитания (в юго-западной части); и они немедленно приступили к работе. За пятьдесят лет галльский пейзаж преобразился, как сто лет назад случилось с Провансом. Появились новые дороги, города, виллы, театры, общественные бани и – впервые в галльской истории – правильно обработанные поля. Теперь при небольшом усилии любой образованный галл мог получить римское гражданство со всеми привилегиями: в качестве *civis romanus* (римского гражданина) его даже могли поставить во главе армии или администрации провинции.

Галлии предстояло оставаться под управлением Рима около пяти сотен лет – примерно столько же времени отделяет нас от эпохи Генриха VIII. К началу II в. н. э. люди начали поговаривать о новой религии – той, что зародилась в далекой азиатской провинции, а затем привела к глубоким переменам во всей Европе и за ее пределами. Как и сама римская цивилизация, христианство медленно распространялось от Средиземного моря на север. К 100 г. первые миссионеры достигли Марселя; понадобилась еще добрая половина следующего столетия, чтобы христианское послание добралось уже до Лиона. Римская империя (к тому моменту это уже была именно империя) удивительно спокойно относилась к религии: пока на словах люди перевозносили императора, они были более или менее свободны верить в то, во что хотят. Христиане, однако, не шли даже на эти условия. Гонения становились неизбежными. Они начались при Нероне в 64 г., после великого пожара Рима, и продолжались с перерывами в течение последующих 250 лет. Самый черный час для христиан пробил в правление Диоклетиана на рубеже III и IV вв. Мученикам не было числа: среди них святой Дионисий, епископ Парижа III в., который, как гласит предание, после обезглавливания поднял свою голову и прошествовал с ней, проповедуя раскаяние, несколько миль⁷ до аббатства, теперь носящего его имя.

Но затем занялась заря новой жизни: в феврале 313 г. два императора, Константин Великий и Лициний, издали Миланский эдикт, навсегда установивший терпимость к христианам на территории империи. А двадцать пять лет спустя, пусть лишь на смертном одре⁸, и сам Константин принял христианство. В последующие столетия, несмотря на то что Франция сильно пострадает от религиозных войн, господству христианства ничто не будет угрожать вплоть до Великой французской революции.

В начале V в. Римская империя уже находилась в упадке и оказалась практически беззащитной перед варварами – готами, гуннами и вандалами, которые двигались с северо-востока в поисках более теплого климата и более плодородных земель. Это была не армия захватчиков, а переселение целых народов – мужчин, женщин и детей. Восточные готы (остготы), западные готы (вестготы) и вандалы обладали по крайней мере зачатками цивилизации. Все они были германского происхождения и исповедовали христианство. К несчастью, они разделяли взгляды арианцев: свято верили, что Иисус Христос не единосущен Богу, а был создан Им в определенное время и для определенной цели как особое орудие для спасения мира. Арианская ересь вводила их в противоречие с канонической церковью, однако они не имели никакого стремления разрушать Римскую империю, которая вызывала у них только восхищение.

⁷ Но, как отметила мадам дю Деффан, *c'est le premier pas qui coûte* – труден только первый шаг. [1 миля равна 1,6 километра. – Прим. ред.]

⁸ Циники не замедлили подчеркнуть преимущество крещения на смертном одре: оно отпускает все грехи, не оставляя времени совершить новые, поэтому человек отправляется на небеса чистым, как свежесвыпавший снег.

Единственное, чего они просили, – это *Lebensraum* (жизненное пространство), то есть места, где обосноваться; и они обосновались.

Гунны, напротив, были монголами и во всех отношениях варварами. Большинство из них по-прежнему жили и спали под открытым небом, презирая земледелие и даже вареную пищу, хотя существует предание, что они все-таки размягчали сырое мясо между собственными бедрами или боками своих лошадей во время скачки. Одеваться гунны предпочитали в туники из льняного полотна или, что довольно странно, из грубо сшитых шкурок полевых мышей. Такие туники они носили постоянно, никогда не снимая, пока те не падали сами по себе. (В 416 г. приняли закон, запрещающий входить в Рим людям, одетым в шкуры животных, или с длинными волосами.) Правитель гуннов Атила был низкорослым, смуглым, курносый, с редкой бородой и маленькими, как бусинки, глазами на слишком крупной для его тела голове. Всего за несколько лет он внушил ужас всей Европе, его боялись больше любого другого человека (за исключением, пожалуй, Наполеона) и до и после его жизни.

Вот такие люди пересекли Рейн в начале 451 г. и проложили себе путь по Франции до самого Орлеана, пока 20 июня их не разбили соединенные войска римлян и вестготов на Каталонских полях близ города Шалон-сюр-Марн. Если бы Атила продолжил свое наступление, история Франции могла бы сложиться совсем иначе; но и без него ситуация была скверной. Поскольку начал разваливаться весь административный аппарат империи, нарушилось даже сообщение через Альпы; приказы из Рима просто не доходили до адресатов. Низложение в 476 г. последнего императора Западной Римской империи, жалкого юноши Ромула Августа, которого называли Ромул Августул, не вызывает удивления (уже в его прозвище Augustulus два уменьшительных суффикса).

С крушением Римской империи (хотя византийский император в Константинополе продолжал говорить о своей власти) Галлия развалилась на массу маленьких варварских государств под управлением так называемых королей, герцогов и графов. Однако, как известно, природа не терпит пустоты; рано или поздно одно государство становится сильнее других и в итоге добивается главенства. На сей раз эту роль сыграли салические (приморские) франки. Появившись на этой территории позже других, они впервые дали о себе знать во II в., а за последующие три столетия постепенно смешались с галло-римскими жителями, передав в процессе свое имя всей стране, современной Франции. Во второй половине V в. некий Хильдерик основал королевство франков, он был сыном Меровея, поэтому позже его стали называть Меровингом, а в 481 г. на трон Франкского государства вступил сын Хильдерика Хлодвиг. Объединив под правлением Меровингов почти всю Галлию, Хлодвиг имеет серьезные основания называться первым королем Франции. Его имя, в позднейшем варианте звучащее как «Людовик», получают еще восемнадцать престолонаследников, пока французская монархия не прекратит свое существование.

Было бы славно, если бы мы могли увидеть в Хлодвиге героическую личность, как, например, в Верцингеториксе. Увы, это невозможно. Он был настоящим монстром. Иной раз Хлодвиг уничтожал своих противников в честном бою, как случилось в 486 г. при Суассоне, когда он окончательно положил конец власти Западного Рима за пределами Италии, но гораздо чаще этот король прибегал к хладнокровному убийству, с готовностью ликвидируя все потенциальные угрозы и со стороны франков, и с любых других сторон. Это работало. К моменту смерти Хлодвига примерно в 513 г. (точная дата неизвестна) его королевство распространилось на большую часть территории современной Франции, Бельгию и северные районы Германии. Кроме того, Хлодвиг, пусть и неохотно, отрекся от арианской веры своих родственников (в значительной степени под давлением своей жены, бургундки Клотильды) и в день Рождества Христова 496 г. принял католичество. В тот день судьба арианства во Франции была предрешена. Все больше и больше его подданных в последующие годы будут следовать примеру короля, что в итоге приведет к религиозному единству во Франции и в Германии, которое продлится

тысячу лет. Именно благодаря крещению Хлодвига через триста лет Карл Великий и папа римский Лев III смогли заключить союз, ставший предтечей Священной Римской империи.

На протяжении 250 лет династия Меровингов правила Францией – и практически привела ее на грань развала. Старые добрые времена прочной власти остались в прошлом, крупные и мелкие города превращались в руины. Франкские короли, которых сразу можно было отличить от подданных по светлым волосам до плеч (говорят, длинные волосы олицетворяли солнечные лучи), бесконечно путешествовали из одного селения в другое со свитой и вооруженным отрядом, таская за собой огромный сундук с казной за тремя печатями, и энергично вели постоянные бессмысленные междоусобные войны. Даже во время непродолжительных перемирий насилие не прекращалось. За примерами не надо далеко ходить – взять хотя бы Хильперика I, которого позже франкский историк Григорий Турский назвал «Нероном и Иродом своего времени». Второй женой этого короля франков стала Галесвинта, старшая дочь короля вестготов. Брак оказался несчастливый, и однажды утром Галесвинту обнаружили в постели задушенной. Похоже, к делу имела отношение наложница Хильперика служанка Фредегунда, на которой он вскоре и женился. Однако брат Хильперика Сигеберт состоял в браке с сестрой Галесвинты Брунгильдой. Убийство послужило причиной нескольких войн между братьями-королями. В 575 г. Хильперик оказался в совершенно безнадежном положении, но Фредегунда нашла способ убить Сигеберта. Хильперик прожил еще девять лет и за это время учредил новый вид наказания – выкалывание глаз, а в 584 г. был заколот неизвестным убийцей, возможно одним из людей Брунгильды. Он был отомщен, когда его сын Хлотарь II захватил Брунгильду и зверски казнил ее, привязав к хвосту лошади, которую пустили галопом.

Теоретически в династии Меровингов было 27 королей, но, пусть наши читатели облегченно вздохнут, в этой книге не будет детального описания их правления. По сути дела, даже эта цифра может служить только очень осторожной оценкой, поскольку значительную часть того времени Франция снова и снова разваливалась на множество мелких королевств, и одновременно правили несколько королей. Одного из них все-таки стоит упомянуть, просто потому, что он из них самый известный – Дагоберт I, который, как знает каждый французский школьник, однажды надел штаны наизнанку⁹. Однако он наделал и много чего другого. Примерно в 630 г. Дагоберт аннексировал Эльзас, Вогезы и Арденны, создав новое герцогство, и сделал своей столицей Париж. Несмотря на все его непотребства (отсюда эта абсолютно дурацкая маленькая песенка), он был глубоко религиозен, основал базилику Сен-Дени и стал первым французским королем, который был в ней погребен. С X в. к нему присоединились все остальные французские монархи, за исключением трех.

Эти времена называют «темными веками», и во Франции они были поистине темными. Проблески света исходили лишь от церкви, которая, в отличие от государства, оставалась твердой и хорошо организованной. К тому моменту церковная иерархия с епископом в каждой епархии и добросовестным, хоть в основном и непросвещенным, духовенством полностью сложилась. Одновременно, благодаря пожертвованиям верующих и эффективному сбору церковной десятины, неуклонно росла материальная база церкви, а также ее сила: каждый правитель очень хорошо знал, что находится под постоянной угрозой отлучения от церкви, что приговорит не только его самого, но и всех его подданных. Монастыри тоже начали заявлять о себе. Они уже давно процветали на востоке, где существовал только один монашеский орден – базилианский, но базилиане были в основном молитвенниками и отшельниками. Святой Бенедикт,

⁹ *Le bon roi Dagobert / A mis sa culotte à l'envers. / Le grand saint Eloi / Lui dit: «Ô mon roi / Votre Majesté / Est mal culottée». / «C'est vrai», lui dit le roi, / «Je vais la remettre à l'endroit».* Славный король Дагобер / Надел штаны наизнанку. / Великий святой Элигий / Сказал: «О сир, / Ваше Величество / плохо надето»./ «Это правда, – ответил король, – / Я поменяю штаны на лицевую сторону». Мелодию песенки до сих пор регулярно исполняют колокола ратуши в Сен-Дени. [Автор дает буквальный перевод, а смысл в том, что Дагоберт был грязнулей. – Прим. пер.]

отец западного монашества VI в., руководствовался другими принципами. Облаченные в черные одежды бенедиктинцы являлись в полном смысле слова общиной, построенной на абсолютном послушании и тяжелом физическом труде, преимущественно сельскохозяйственном. Однако они также находили время заниматься наукой, переписывать книги (что особенно было важно в период до появления книгопечатания) и в целом поддерживали искру образованности и гуманизма в суровом унылом мире, в котором им приходилось жить.

А затем появились мусульмане. В 633 г. (всего через год после смерти Пророка) они двинулись из Аравии. Скорость их наступления изумляет. В течение тридцати лет мавры захватили не только Сирию и Палестину, но и значительную территорию Персидской империи, Афганистан и часть Пенджаба. Затем они обратили свое внимание на Запад. Константинополь казался слишком крепким орешком, поэтому арабы повернули налево и устремились вдоль берегов Северной Африки. Там их движение замедлилось; они достигли Атлантики только к концу века, а стали готовы пересечь Гибралтарский пролив, чтобы хлынуть в Испанию, лишь в 711 г. Однако к 732 г. (меньше чем через 100 лет после выхода из родной пустыни) арабы уже перешли Пиренеи и, по преданию, продвинулись до самого Тура, где, всего в 150 милях [ок. 241 км] от Парижа, их наконец в сражении остановил франкский майордом Карл Мартелл. Эта битва вдохновила английского историка XVIII в. Эдварда (Эдуарда) Гиббона на один из его самых знаменитых полетов фантазии:

Победоносное продвижение продлилось на тысячу миль от мыса Гибралтар до берегов Луары. Повторение перехода на такое же расстояние доставило бы сарацин к границам Польши и нагорью Шотландии, а преодолеть Рейн не сложнее, чем Нил или Евфрат, и арабский флот, скорее всего, без морского сражения вошел бы в устье Темзы. Тогда бы, наверное, в школах Оксфорда преподавали толкование Корана, и ученики раскрывали бы окружающим святость и истину Откровений Магомета.

Современные историки быстренько укажут, что о битве при Туре почти не упоминают арабские источники того времени, а если и упоминают, то только как о незначительном эпизоде. Арабские авторы свидетельствуют, что войска, с которыми столкнулся Карл Мартелл, составляли всего лишь передовой отряд и шли, по всей вероятности, в сотне миль впереди основной армии, а так называемая битва была не более чем затянувшейся стычкой. Как было на самом деле, мы никогда не узнаем наверняка. Однако для нас важнее сама фигура Карла Мартелла. В течение VII и VIII вв. короли из рода Меровингов настолько впали в праздность и распутство, что практически прекратили править. Реальная власть теперь возлагалась на старшего сановника дворца – палатного мэра, или майордома. Ко времени, о котором мы говорим, эта должность стала наследственной, и ее занимали члены рода Пипина. Карл Мартелл (его прозвище в переводе с латинского означает «молот») унаследовал отцу в 715 г. и де-факто управлял Францией четверть века, пока ему на смену не пришел его сын Пипин III Короткий, а с ним и конец династии Меровингов. В 751 г. Пипин отправил последнего короля из рода Меровингов Хильдерика III в монастырь, а в следующем году короновался сам при поддержке папы римского. Таким образом он положил начало новой династии на франкском престоле – династии Каролингов, названной так по имени его отца Карла.

Пипин, несомненно, был самым значительным европейским правителем своего времени, однако ему было суждено остаться в тени своего еще более славного сына Карла, известного как Карл Великий. Карл вступил на престол после смерти Пипина в 768 г. Благодаря его могучему телосложению, энергии, здоровью и физической силе (имел пять законных жен и четыре дополнительные супруги), а также непритязательности в быту (обычно носил простую одежду, как у его подданных, – полотняную тунику, красные штаны и обмотки) Карлу Великому предстояло стать поистине легендарной личностью. Его власть распространилась далеко за прежние

пределы Франкского государства. В 774 г. Карл захватил Павию и объявил себя королем лангобардов, затем, возвратившись в Германию, подчинил себе язычников-саксов и всех обратил в христианство, прежде чем переходить к завоеванию уже христианской Баварии. Вторжение в Испанию было менее успешным, хотя оно и вдохновило народ на создание первой великой эпической поэмы Западной Европы – «Песни о Роланде», а вот следующая кампания Карла против аваров на территории современных Венгрии и Северной Австрии привела к уничтожению Аварского каганата как независимого государства, и земли перешли под управление Карла. Таким образом, за жизнь всего одного поколения Карл Великий превратил королевство франков из одного из многих «полуплеменных» европейских государств в единое политическое образование огромного размера, не имевшее себе равных со времен Римской империи.

И делал он это (по крайней мере, основное время) при горячей поддержке папства. Прошло почти столетие с тех пор, как папа Стефан II перебрался через Альпы, чтобы просить защиты от лангобардов у отца Карла Пипина. Сам Карл совершил государственный визит в Рим в 774 г. Тогда его, молодого человека тридцати двух лет, тепло принял папа Адриан I, и, глубоко впечатленный всем увиденным, Карл подтвердил дарственную своего отца на ту часть территории Центральной Италии, которая составляла ядро Папского государства. А в 800 г. он приехал снова, на этот раз по более серьезному делу. Лев III, сразу после избрания папой римским четырем годами ранее, стал жертвой постоянных козней со стороны группы молодых римских дворян, которые были решительно настроены его сместить. 25 апреля на Льва III напали на улице и жестоко избили, только счастливый случай помог друзьям папы спасти его от гибели и доставить для выздоровления ко двору Карла в Падерборн. Несколько месяцев спустя Лев III под защитой франков возвратился в Рим, но тут противники обвинили его в тяжких преступлениях, включая торговлю церковными должностями, лжесвидетельство и прелюбодеяние.

Но кто, однако, мог вершить суд над папой римским? Кто имел право осудить наместника Христа на земле? В обычных обстоятельствах можно было бы сказать, что это император Константинополя, но трон Восточной Римской империи в тот момент занимала женщина, императрица Ирина. Тот факт, что Ирина ослепила и лишила жизни собственного сына, мало значил и для Льва, и для Карла – было достаточно того, что она женщина. Женский род считался неспособным править, и древняя салическая традиция не допускала подобного. Таким образом, для Западной Европы императорский трон оставался свободным.

Двигаясь в Рим в конце 800 г., Карл прекрасно понимал, что выступать судьей в базилике Святого Петра полномочий у него не больше, чем у Ирины, но он также осознавал, что, пока несправедливость обвинений против Льва III остается недоказанной, у христианского мира нет не только императора, но и папы, и решил предпринять все возможное, чтобы защитить честное имя Льва. Насколько искренним был Лев III, мы можем только предполагать, но 23 декабря он на главном престоле принес торжественную клятву на Евангелии, что не виновен в приписываемых ему преступлениях, – и Синод принял его слово. Через два дня, когда Карл поднялся с колен после завершения рождественской литургии, Лев III возложил на его голову императорскую корону под шумные приветствия прихожан. Враги Карла не замедлили указать, что он получил только титул: корона не принесла ни единого нового подданного или солдата, ни одного дополнительного акра территории. Однако этот титул имел больше смысла, чем целый ряд территориальных завоеваний: он означал, что почти через пятьсот лет в Западной Европе снова появился император.

Историки давно обсуждают, была ли императорская коронация совместно спланирована Львом и Карлом или явилась для короля франков неожиданностью. Из этих двух вариантов второй представляется значительно более вероятным. Карл никогда не выказывал стремления утверждать свой статус и всю оставшуюся жизнь продолжал величать себя королем франков и лангобардов. А еще больше он не хотел иметь никаких обязательств перед папой, поэтому есть

все основания верить, что Карл действительно пришел в ярость, когда оказалось, что его сделали ответственным и за церковь. Лев же, напротив, создавал ключевой прецедент. Короновав Карла, он акцентировал, что и империя, и император Карл являются его созданием. Мир не мог ошибиться: именно папе, и только папе, император обязан своим титулом.

Хотя Карл Великий известен как творец Каролингского возрождения, значительно увеличивший количество школ и скрипториев при монастырях в подвластных ему землях, сам он почти наверняка оставался неграмотным. Есть предположение, что он немного умел читать, но его биограф Эйнхард трогательно описывал попытки императора научиться писать, рассказывая о дощечках для письма, которые Карл держал под подушкой, чтобы практиковаться, когда ему не спалось. Он упорно старался, но, как писал Эйнхард, «труд его, слишком поздно начатый, не принес большого успеха». По словам сэра Кеннета Кларка, он просто не мог взять в толк, как это делается. Однако сей факт вряд ли имеет большое значение: этот потрясающий человек (больше чем наполовину варвар) объединял свою недавно созданную империю только силой собственной личности. После его кончины в 814 г. империя неуклонно угасала, сначала вследствие распрей между наследниками, затем из-за разделения, и наконец полностью распалась после прекращения его линии в 888 г. Наверное, это было неизбежно: как в конечном итоге и римская предшественница, империя Каролингов несла в себе зерно самоуничтожения. Она попросту стала слишком огромной: было невозможно обеспечить необходимую связь по всей длине и ширине такого пространства.

От своего единственного сына Людовика I Благочестивого Карл Великий имел трех внуков, которые после длительной вражды в 843 г. собрались в городке Верден и заключили договор о разделении территории. Карл II Лысый получил западную часть империи (очень приблизительно всю современную Францию западнее Рейна и Соны), Людовику II Немецкому отошла восточная (основная часть Северо-Восточной Франции, Бельгия и Западная Германия, а также Бавария, Швабия и Саксония того времени), а самому молодому Лотарю пришлось довольствоваться длинной полоской земли посередине (между частями Карла и Людовика), которая шла от Северного моря по долинам рек Маас, Рейн и Рона на юг через Италию в Калабрию. Именно разделение империи Каролингов в Вердене оформило в общем и целом современные Францию и Германию, а также создало область между ними – Эльзас и Лотарингию, что с тех самых пор отравляет отношения этих стран.

Кроме того, пусть империя Карла Великого и канула в вечность, его идеи сохранились. Теперь западные европейцы могли почти не вспоминать о Константинополе. До 800 г. в христианском мире существовала только одна империя – империя Августа, Траяна и Адриана, и она ни на йоту не стала менее римской, когда ее столицу перенесли на берега Босфора. Однако Босфор был далеко, от Парижа почти 1500 миль [свыше 2400 км], а Запад теперь имел собственного императора. И этого императора короновал папа в Риме. Во времена династии Меровингов большинство королей мало отличались от главарей банд головорезов, а Каролинги и их преемники будут помазанниками Божьими. Император и папа станут править сообща, рука об руку – первый физически защищать второго, а второй обеспечивать не только духовное, но и культурное процветание своей паствы. Конечно, в последующие столетия эта система будет нарушаться, и не раз, однако общая идея устоит. После Карла Великого Европа уже никогда не станет прежней.

2. Их саморазрушение неизбежно. 843–1151

Если Господь призвал маленьких червей, как вы, на защиту Своего наследия, то не думайте, что Его рука стала короче или Его длань потеряла силу... Что это, если не самое истинное и прямое указание Всевышнего, что он допускает убийц, воров, прелободеев и других преступников Себе на службу ради их же спасения?

Св. Бернард Клервоский, письмо к церкви в Германии (из «Писем св. Бернарда Клервоского»)

В самом начале X в. белокурый молодой викинг по имени Роллон повел свои лодки вверх по Сене, а в 911 г. король династии Каролингов Карл III Простоватый пожаловал ему основную часть восточной половины современной Нормандии. Роллон не был первым из норманнских завоевателей, они набегали из скандинавских лесов и фьордов уже полстолетия, а в 885 г. даже пытались осадить Париж. С тех пор миграция с севера не прекращалась, но именно Роллон сфокусировал усилия и устремления своих соплеменников на путь интеграции с новой родиной. Уже в 912 г. он и многие его сподвижники приняли крещение. (Некоторые, как пишет Гиббон, «крестились по десять-двенадцать раз ради белых одежд, которые обычно выдавали на церемонии крещения».) Но за одно-два поколения норманны стали французами. То же самое можно сказать и об их языке. К 940 г. на древнескандинавском если и говорили еще в Байё и на побережье (где его, по-видимому, поддерживали недавно прибывшие), то в Руане уже нет, а к концу X в. он был забыт совершенно, остались лишь некоторые следы.

Роллон и его друзья отлично подходили, чтобы пробудить Францию от летаргического сна и положить конец беспорядку, в котором она погрязла. Последние короли из династии Каролингов мало отличались в лучшую сторону от своих предшественников из рода Меровингов, к тому же их ослабляли грозные соперники, члены дома Роберта Сильного, графа Анжу и Блуа, одного из самых богатых людей страны. Династия Робертинов (впоследствии известная как Капетинги) давала выборных королей¹⁰, которые нередко чередовались с Каролингами. Но поскольку границы страны оставались нечеткими, а дорожная инфраструктура была слабо развита (все было в этом отношении намного хуже, чем во времена Римской империи), власть была в основном местной и сосредотачивалась в руках более решительных, более богатых землевладельцев, тех самых, которые впоследствии превратятся в аристократию, соберут вокруг себя людей и постепенно создадут систему, теперь известную нам под названием феодализм. Феодал будет строить себе замок, вокруг него разместится деревня, и крестьяне в случае опасности станут укрываться за стенами замка. Каждому жителю придется давать своему сеньору присягу на верность и сражаться за него, когда призовут. Как система феодализм, наверное, далек от совершенства, но куда лучше, чем анархия.

Династия Каролингов протянула до мая 987 г., когда в результате несчастного случая на охоте в лесу Санлиса умер Людовик V Ленивый, или, как называют его французы (если вообще вспоминают), *le Fainéant* (бездельник). Поскольку он не оставил законного наследника, знать собралась на Ассамблею, чтобы избрать его преемника. На корону претендовали двое. Первым кандидатом был Карл из рода Каролингов, герцог Нижней Лотарингии, вторым – Гуго Капет¹¹, правнук Роберта Сильного. По праву наследования Карл, конечно, имел больше шансов на

¹⁰ Монархия (на самом деле была больше полиархией) иногда являлась наследственной, иногда выборной – вернейший путь к хаосу.

¹¹ Имя Капет звучит исключительно просторечно, и так оно и есть. Слово образовано от латинского *capatus*, что означает «носящий покров». Представляется, что изначально оно прикрепились к Гуго как прозвище – поистине удивительно, что теперь его следует относить ко всей династии.

избрание, но в самом начале процедуры архиепископ Руана ясно обозначил свою позицию. «Трон, – громогласно заявил он, – не получают по наследству, тот, кого избирают на престол, должен отличаться не только благородством происхождения, но и мудростью». Слова священника приняли во внимание, и корону Франции присудили Гуго Капету.

Победная чаша была с ядом, и он, должно быть, прекрасно это знал. Его окружало большое количество крупных феодалов (герцоги Аквитанский и Нормандский, графы Анжу, Фландрии и Блуа), которые за прошедшее столетие поднялись и считали себя не менее достойными высшей власти, чем новый король. Если бы они объединились против него, Гуго не смог бы и пальцем пошевелить в свою защиту. На юге королевскую власть вообще не признавали, там графа Тулузы уважали больше, чем любого короля. Подданные Гуго даже не имели общего языка: в Бретани общались на кельтском, у восточных границ – на немецком, на севере царил фламандский, в Провансе и Аквитании – *langue d'oc* – провансальский, не говоря уже о дюжине разных диалектов по всей стране.

А что же в пользу короля? Помогал, разумеется, тот факт, что его избрали единогласно, но главное, за ним стояла церковь. И церковь дала ему все, что он получил, включая, наверное, самую продуманную и впечатляющую церемонию коронации в церковной истории. Заявлялось, что масло, которым Гуго помазали (не только лоб, но и другие части тела), было тем же самым, которое пять веков назад голубь принес с небес святому Ремигию для помазания Хлодвига. После освящения король, стоя на коленях, принял причастие. Когда Гуго вышел из Нуайонского собора¹² на солнечный свет в сияющей на голове короне, многим присутствующим он, должно быть, казался полубогом. Скорее всего, Гуго Капет был первым из французских королей, которому приписывали способность прикосновением излечивать золотуху («королевское зло») – говорят, это чудо исполнялось не один раз.

Тем не менее никогда, ни одной минуты, Гуго Капет не чувствовал себя настоящим королем. Между Парижем и Орлеаном ему принадлежали города и поместья, занимавшие 400 квадратных миль [1036 км²], была также пара небольших владений в окрестностях городков Анже и Шартр. Но ни в каких других местах Франции он не мог путешествовать без риска: везде существовала почти неизбежная опасность оказаться захваченным, и пусть его вряд ли лишили бы жизни, но стали бы держать с целью выкупа (весьма вероятно, в очень неприятных условиях). «Преемник Карла Великого, – отметил человек того времени, – не осмеливался покидать свой дом». Несомненно, такая неуверенность, постоянное чувство, что живешь не своей жизнью, мешала Гуго называть себя королем Франции, этого не делали и все его преемники вплоть до Филиппа Августа в конце XII в. «Король франков» – *Roi des Francs* – вот титул, которым его короновали, королем франков он и оставался.

Однако всю жизнь Гуго Капет упорно трудился, чтобы превратить Францию в настоящее государство – несмотря на то, что, естественно, ему не удалось завершить этот труд. Гуго скончался 24 октября 996 г. в Париже, который он сделал своей постоянной столицей, и был погребен в аббатстве Сен-Дени. Ему наследовал сын Роберт, отец еще при жизни (весьма предусмотрительно) организовал его помазание. Хотя Гуго Капет не был первым королем из своего рода, его справедливо считают основателем династии Капетингов, которая будет править Францией до смерти Карла Красивого в 1328 г. На самом же деле дом Валуа, унаследовавший трон после него, а за ним и дом Бурбонов являлись младшими ветвями рода Капетингов. Таким образом, можно говорить, что Капетинги занимали королевский престол больше восьми с половиной веков до отречения последнего короля Франции в 1848 г.

Десятое столетие видело восемь французских монархов. Одиннадцатое – только трех: сына Гуго Капета Роберта Благочестивого, правившего до 1031 г.; внука Гуго – Генриха I,

¹² В Нуайонском соборе в 768 г. короновали Карла Великого как соправителя королевства франков.

умершего в 1060 г.; и правнука Гуго – Филиппа I, известного подданным как *L'Amoureux* – Влюбленный, которому было суждено занимать трон последующие сорок восемь лет – для того времени поразительно долгое правление. Это свидетельствует о стабильности, достигнутой Францией за сто лет. Порядок наследования престола теперь практически не подвергался сомнению, королевская власть значительно расширилась, и Франция уверенно встала на путь превращения в государство. Еще два значительных события выделяют XI в. Первое – Нормандское завоевание Англии, второе – Первый крестовый поход.

Недавно появившиеся в стране норманны сильно отличались от других подданных Капетингов. Они быстро показали себя кем угодно, только не дикими разбойниками, как первоначально полагали французы. Напротив, они впитывали романскую культуру, язык и религию хозяев этой земли с поразительной скоростью. Более того, они проявляли качества, нехарактерные для Франции раннего Средневековья, – исключительные энергичность и жизненную силу в сочетании со страстью к путешествиям и приключениям, не имея которых они никогда бы не покинули своих домов. Пожалованными землями они управляли очень эффективно, демонстрировали глубокое знание и уважение законов и даже начали строить соборы и церкви куда красивее (и технически значительно сложнее), чем французы. Их имеющее историческое значение завоевание 1066 г. повлияло на Францию не меньше, чем на Англию, а герцог Нормандии Вильгельм Незаконнорожденный¹³ был уже не просто одним из главных вассалов короля, теперь он и сам стал могущественным монархом, достойным соперником короля Франции.

А затем состоялся Крестовый поход. Во вторник 27 ноября 1095 г. папа Урбан II обратился к собору в городе Клермон (теперь Клермон-Ферран), заключив свою речь страстным призывом. Владычество язычников над святыми местами, а главное, над самим Иерусалимом, объявил он, – оскорбление для христианского мира. Он получил сообщение, что паломники подвергаются там разного рода гонениям и унижениям. Теперь долг всех верных христиан – ополчиться против тех, кто осквернил землю, по которой ступал Христос, и вернуть ее истинно верующим. В последующие месяцы папский призыв разносили по Италии и Франции, в каждый уголок Западной Европы, и сам папа, и целая армия священнослужителей. Отклик пришел огромный, даже из далекой Шотландии. Ни император Генрих IV, ни король Филипп Влюбленный (его, что совсем неудивительно, папа незадолго до этого отлучил от церкви за прелюбодеяния) не состояли в достаточно хороших отношениях с Римом, чтобы присоединиться к Крестовому походу, но это, пожалуй, было даже к лучшему: Урбан решил, что великим делом должна руководить церковь, и назначил предводителем похода и папским легатом епископа Адемара Монтейльского, одного из немногих французских священников, уже совершивших паломничество в Иерусалим.

Епископа, однако, должны были сопровождать несколько влиятельных вельмож: граф Тулузский Раймунд де Сен-Жиль (самый старший, самый богатый и наиболее знатный из всех них), брат французского короля граф Гуго Вермандуа (он прибыл потрепанным после ужасного кораблекрушения в Адриатическом море), граф Роберт II Фландрский, герцог Роберт Нормандский (сын Вильгельма Завоевателя) и его кузен граф Стефан Блуаский, а также герцог Нижней Лотарингии Готфрид Бульонский. С Готфридом пошел его брат Балдуин Булонский. Он как младший сын без родовой вотчины взял с собой жену и детей, рассчитывая на востоке выкroить для себя собственное королевство.

Сам Урбан был французом, а Франция к тому времени уже имела свои идеалы рыцарства, поэтому кампания, понятное дело, стала по преимуществу французской. Французские рыцари присоединились к ней с большим воодушевлением, и, вопреки ожиданиям многих, Первый крестовый поход завершился славным, хоть и не совсем заслуженным, успехом. 3 июня 1098 г. крестоносцы освободили Антиохию, и наконец в пятницу 15 июля 1099 г. в результате страш-

¹³ Более известен как Вильгельм I Завоеватель, с 1066 г. король Англии. – *Прим. пер.*

ных кровопролитных боев Христовы солдаты пробились в Иерусалим. В городе свою победу они отметили убийством всех мусульман и сожжением живьем всех иудеев в главной синагоге. Чтобы решить вопрос о будущем правителе, немедленно провели выборы. Очевидным кандидатом являлся Раймунд Тулузский, но тот отказался. Его не любили, и это было ему хорошо известно: он никогда не смог бы рассчитывать на повиновение и поддержку соратников. Выбор в итоге пал на Готфрида Бульонского, не столько за его способности к военному делу или дипломатии, сколько за искреннее благочестие и безупречную личную жизнь. Он согласился, отказавшись только называться королем (ведь в этом городе Христос носил терновый венец!). Вместо этого он принял титул *Advocatus Sancti Sepulchri* (Защитник Гроба Господня), и к нему всегда обращались *dux* (правитель) или *princeps* (первый), но никогда *rex* (король). Однако после захвата Иерусалима Готфрид прожил всего год, а его преемники были менее щепетильны в отношении титулов – все они короновались и становились королями латинского Иерусалимского королевства.

Королевство крестоносцев, разумеется, не зависело от Франции, но, поскольку большинство самых влиятельных феодалов там являлись французами, государственным языком тоже стал французский. Именно Франция, естественно, получила от этого завоевания наибольшие выгоды. Для торговли французское присутствие в Леванте было просто бесценным, потому что открыло новые торговые пути и рынки. Франция также извлекла прибыль (по крайней мере, косвенную) от огромного увеличения количества паломников. Одновременно на родной земле упрочилось положение французской монархии, так как многие опасные феодалы считали своим долгом отправиться в Святую землю, откуда удалось вернуться далеко не всем.

Филипп Влюбленный скончался 29 июля 1108 г., оставив трон сыну Людовику VI Толстому. Прозвище нового короля имело под собой серьезные основания (к концу своего правления он едва мог подняться с трона без посторонней помощи), но, пока его вес оставался в норме, Людовик был настоящим королем-воином, самым сильным со времен Карла Великого, посвятившим свою жизнь укреплению верховенства Капетингов по всей территории Франции. Его предшественники сделали что могли, но к моменту восшествия на престол Людовика VI видные герцоги и графы, не говоря уже о Вильгельме Нормандском, по-прежнему сохраняли такой авторитет, что король имел мало власти за пределами области Иль-де-Франс, непосредственно окружающей Париж. К тому же проблема не ограничивалась только крупными вельможами, еще больше тревог доставляли те, что помельче, их вполне можно назвать баронами-разбойниками. Они попросту жили грабежом, взимая незаконную дань с проезжающих купцов и пилигримов, обирая церкви и монастыри, время от времени не гнушась и похищением людей.

Благодаря верному советнику, биографу и другу короля аббату Сен-Дени Сугерию мы имеем подробное описание всех многочисленных военных кампаний Людовика VI. В их число входят и столкновения с двумя английскими королями: Вильгельмом II Руфусом¹⁴ (сыном и преемником на троне Вильгельма Завоевателя) и его младшим братом Генрихом I, который в 1119 г. разгромил Людовика при Бремюле. Однако поражения на поле боя случались у Людовика VI гораздо реже, чем победы, и после его кончины в 1137 г. Франция стала если еще не абсолютно мирной, то по меньшей мере почти полностью признавшей королевскую власть страной. Тем не менее одним из самых значительных подарков короля своей стране был не политический или административный, а династический. Всего за несколько недель до собственной смерти он женил сына и наследника престола, следующего Людовика, на самой богатой невесте Франции Алиеноре Аквитанской, которая принесла в качестве приданого всю юго-западную территорию до самых Пиренеев.

¹⁴ Рыжий (*лат.*).

Увы, пара не сложилась. Людовик VII, второй сын Людовика VI, изначально намеревался стать священником, и только случайная смерть старшего брата заставила его изменить свои планы. Глубоко (практически до фанатизма) религиозный, он распространял атмосферу мрачной набожности, которая подавляла всех вокруг и сильно досаждала его молодой жене. «Я вышла замуж за монаха, – жаловалась она, – а не за короля». Алиенора была жизнерадостной девушкой поразительной красоты и ненавидела холодное аскетичное существование при дворе супруга, она не скрывала, что желает вернуться к легкой, раскованной, веселой жизни аквитанского двора. Дела быстро ухудшались. В 1142 г. Людовик, что было для него нехарактерно, позволил французскому сенешалю Раулю де Вермандуа развестись с женой и жениться на младшей сестре королевы Петронилле Аквитанской. Первая жена Рауля приходилась племянницей графу Шампани Тибо II, и разрешение на развод привело графа в такую ярость, что он объявил войну. Противостояние продолжалось два года, а в 1143 г. армия Людовика сожгла небольшой городок Витри (теперь Витри-ле-Франсуа) на реке Марне: больше тысячи мужчин, женщин и детей заживо сгорели в церкви, где пытались найти убежище. Людовик видел страшный пожар издали и не мог предотвратить трагедию. С тех пор воспоминания о том ужасном дне преследовали короля. Он знал, что вина лежит на нем, и теперь только Крестовый поход, обещающий полное отпущение грехов, мог стать достаточным искуплением.

Примерно за полвека до того, в 1098 г., граф Балдуин Булонский покинул основные силы Первого крестового похода при вступлении на Святую землю и пошел на восток, чтобы основать собственное графство в Эдессе на берегах Евфрата. Там он оставался недолго, поскольку через два года наследовал своему брату, приняв титул короля Иерусалима. Однако Эдесса продолжала существовать как полунезависимое христианское государство под теоретическим сюзеренитетом основного королевства, пока в 1144 г. оно не пало после двадцати пяти дней осады арабской армией под командованием атабека Мосула Имад ад-Дина Занги.

Известие о падении Эдессы потрясло весь христианский мир. Для народов Западной Европы, которые рассматривали успех Первого крестового похода как очевидный знак божественного благоволения, оно ставило под вопрос все дорогие сердцу представления. Меньше чем через полвека «крест» снова уступил «полумесяцу». Как такое могло случиться? Что это, если не проявление гнева Божьего? Возвращавшиеся с востока паломники уже некоторое время рассказывали о широко распространенной деградации франков в государствах крестоносцев. Может, они уже недостойны защищать от неверных святыя места?

Что бы ни думали те самые франки о собственном моральном праве, их воинская слабость не вызвала сомнений. Первая великая волна воодушевления по поводу участия в Крестовом походе уже ослабла. Переселение с Запада почти прекратилось, многие паломники, согласно древней традиции, приходили без оружия, и даже для тех, кто прибывал готовым поработать мечом, обычно вполне хватало одной летней кампании. Единственную постоянную действующую армию (если ее можно так назвать) составляли члены двух рыцарских орденов – тамплиеры и госпитальеры, но без поддержки со стороны они не могли устоять против таких мусульманских военачальников, как Занги. Отчаянно требовались дополнительные войска. Ничего другого не оставалось: папа римский должен был объявить новый Крестовый поход.

И папа Евгений III, находившийся тогда в ссылке во Франции¹⁵, с готовностью согласился. На этот раз было решено поручить руководство походом светскому предводителю, и когда папа начал рассматривать государей западных стран, то увидел лишь одну подходящую кандидатуру. В идеале такую честь следовало предоставить императору Священной Римской

¹⁵ Рим в тот момент был в руках фанатичного монаха Арнольда Брешианского, который проповедовал неистовую ненависть к светской власти церкви.

империи Конраду III из рода Гогенштауфенов, но Конрад занимался собственными проблемами в Германии. Король Англии Стефан уже шесть лет не мог прекратить в своей стране гражданскую войну. О короле Рожере Сицилийском по целому ряду причин вообще не могло быть и речи. Так что единственно возможной кандидатурой оказался король Франции Людовик VII.

Людовик был только рад. В Рождество 1145 г. он объявил собравшимся придворным о своем решении «принять крест» и призвал их следовать за ним. Одон Дейльский, которому предстояло стать капелланом при этой экспедиции, рассказывает, что «король настолько горел усердием к вере и презрением к земным удовольствиям и преходящей славе, что сам его облик убеждал больше, чем любая речь». Однако, судя по всему, убедительности облика не хватило. Реакция вассалов оказалась разочаровывающей. У всех имелись собственные заботы дома. Кроме того, дошедшие до них рассказы о жизни в государствах крестоносцев наводили на мысль, что беспутные соотечественники, по всей видимости, сами навлекли на себя беду – пусть сами и спасаются. Священник со здравым умом, аббат Сугерий, бывший попечитель и наставник короля, тоже высказался против этой идеи, но Людовик стоял на своем. Если он сам не способен наполнить сердца вассалов желанием участвовать в Крестовом походе, то должен найти того, кто сумеет справиться с такой задачей. Король написал папе, что принимает его предложение. А затем послал за святым Бернардом Клервоским.

Святому Бернарду к тому времени было за пятьдесят, и он, несомненно, считался главным духовным авторитетом в Европе. Для объективного наблюдателя из наших дней, недостижимого для того потрясающего личного магнетизма, с помощью которого аббат без усилий подчинял себе всякого, с кем вступал в контакт, он покажется непривлекательной фигурой. Высокий, тощий, с чертами, искаженными постоянной болью из-за пожизненного поста, Бернард испытывал всепожирающий религиозный пыл, не оставлявший места терпимости или сдержанности. Его общественная жизнь началась в 1115 г., когда настоятель монастыря Сито англичанин Стефан Хардинг практически освободил Бернарда от монашеской дисциплины, отправив в Шампань создавать дочерний монастырь в Клерво. С того времени практически без усилий с его стороны влияние Бернарда росло, и последние двадцать пять лет своей жизни он постоянно был в движении – проповедовал, наставлял, убеждал, писал бесчисленные письма и маниакально ввязывался во все дискуссии, по его мнению затрагивающие основные принципы христианства.

Бернарду предложенное дело было по душе. Несмотря на усталость, подорванное здоровье и сильное желание отдохнуть в тиши аббатства, он откликнулся на призыв с тем исключительным жаром, который и сделал его на четверть столетия самым громким голосом христианского мира. Бернард Клервоский охотно согласился развернуть во Франции кампанию за Крестовый поход и обратиться с речью к собранию, которое король назначил в Везле на следующую Пасху. Магия его имени сразу начала работать, и к назначенному дню мужчины и женщины со всех концов Франции потянулись в город. Поскольку людей оказалось слишком много, чтобы они могли уместиться в соборе, на склоне холма спешно соорудили большой деревянный помост¹⁶. Здесь утром Вербного воскресенья, 31 марта 1146 г., Бернард Клервоский появился перед народом, чтобы произнести одну из самых важных в своей жизни речей. Его тело, пишет Одон, было таким слабым, что казалось, на нем уже лежит печать смерти. Рядом встал король с крестом на груди, который папа прислал ему в качестве символа королевского решения. Они вместе поднялись на помост, и Бернард начал говорить.

Текст последовавшей проповеди до нас не дошел, но в случае Бернарда не сами слова, а именно манера говорить производила сильное впечатление на слушателей. Нам известно только, что его голос звучал над лугом, «как божественный орган», и совсем скоро толпа, вна-

¹⁶ Помост простоял до 1789 г. и был разрушен во время Великой французской революции.

чале молчавшая, воодушевилась и начала просить кресты для себя. Связки нарезанных из грубой ткани крестов уже были приготовлены для раздачи, а когда запас закончился, аббат Бернард снял собственное монашеское одеяние и стал рвать его на полоски, чтобы сделать еще. К нему присоединились другие, и он с помощниками продолжал шить до самой ночи.

Успех в Везле благотворно подействовал на святого Бернарда. Он больше не стремился возвращаться в Клерво. Вместо этого он отправился через Бургундию, Лотарингию и Фландрию в Германию, призывая к Крестовому походу в переполненных церквях везде, где оставался. Его подход к делу, всегда четкий, порой пугал своей прямолинейностью. К осени Германия тоже пробудилась, даже император Конрад, который вначале твердо отказался принимать какое-либо участие в походе, после рождественского порицания от Бернарда устыдился и решил принять крест.

Папа Евгений встретил последнюю новость с тревогой. Уже не в первый раз аббат из Клерво вышел за пределы полученных инструкций. Ему поручили призвать к крестовому походу во Франции, но никто и слова не говорил по поводу Германии. Немцы и французы всегда не ладили между собой, их неизбежное соперничество за верховенство легко могло погубить все дело. Однако теперь изменить ситуацию уже было невозможно. Клятвы прозвучали, обеты были приняты. Евгений просто не мог порицать потенциальных крестоносцев, пока войска хотя бы не отправятся в путь.

Письмо святого Бернарда немецкому духовенству оказалось более правдивым, чем он, наверное, полагал. Главным образом потому, что обещалось полное отпущение грехов, армии крестоносцев дискредитировали себя сильнее большинства других солдат в Средние века. Выступившее в конце мая 1147 г. из Регенсбурга германское воинство примерно в 20 000 человек, похоже, имело в своем составе больше привычного количества нежелательных людей – от редких религиозных фанатиков до обычного набора безответственных бездельников и скрывающихся от правосудия преступников. Едва вступив на территорию Византии, они начали мародерствовать, насиловать и даже убивать, когда им пожелается. Зачастую и сами командиры показывали дурной пример тем, кто следовал за ними. В Адрианополе (теперь Эдирне) племянник и заместитель командующего молодой герцог Фридрих Швабский (более известен истории по полученному позднее прозвищу Барбаросса) сжег целый монастырь в отместку за нападение местных разбойников и безжалостно убил всех ни в чем не повинных монахов.

Еще до того, как жители областей, по которым проследовали немцы, восстановились после потрясения, на западном горизонте появилась французская армия. Она несколько уступала в численности немецкой и в целом вела себя приличнее. Дисциплина была строже, да и присутствие многих знатных дам (включая саму королеву Алиенору), сопровождавших своих мужей, несомненно, оказывало дополнительное смягчающее влияние. Тем не менее продвижение французов вовсе нельзя назвать спокойным. Балканское крестьянство к тому времени уже проявляло откровенную враждебность к крестоносцам и, естественно, заламывало неслыханные цены за продовольствие, которое люди сумели сохранить для продажи. Недоверие скоро стало взаимным и провоцировало неблагоприятные поступки с обеих сторон. Таким образом, задолго до того, как французы добрались до Константинополя, одинаково обиделись и на немцев, и на греков, а когда наконец 4 октября оказались у стен города, с возмущением узнали, что византийский император Мануил выбрал этот момент для заключения перемирия с турками-сельджуками.

Хотя никто, естественно, не ждал, что такой факт обрадует Людовика, однако заключение перемирия было разумной предосторожностью со стороны Мануила. Французская и немецкая армии у самых стен его столицы представляли собой куда более серьезную угрозу, чем турки в Азии. Император знал, что и во французском, и в немецком лагерях есть те, кто выступает за совместный удар западных сил по Константинополю, а всего через несколько дней кузен святого Бернарда епископ Лангский действительно официально обратился к королю с таким

предложением. Только намеренно распространяя слухи о сосредоточении в Анатолии крупных турецких сил и намекая на то, что, если франки не поторопятся пройти вражескую территорию, может вообще не получиться это сделать, Мануилу удалось спасти ситуацию. Он всячески угождал Людовику (постоянно занимая его время) бесконечной чередой пиров и роскошных приемов, одновременно организовывая королю с его армией переправу через Босфор, чтобы при первой возможности отправить его в Азию.

Прощаясь с незваными гостями и провожая глазами скользящие по глади пролива лодки, тяжело нагруженные людьми и животными, император Мануил лучше других предвидел опасности, которые ожидали франков на втором этапе их похода. Он сам недавно закончил военную кампанию в Анатолии, и, хотя его истории об ордах турок были полны преувеличений, увидев воочию крестоносцев, он понял, что их неповоротливая армия, уже страдающая упадком боевого духа и дисциплины, имеет мало шансов устоять при атаке кавалерии сельджуков. Он снабдил крестоносцев провиантом и проводниками, предупредил о дефиците воды в тех местах, посоветовал не идти напрямую через отдаленные районы, а держаться побережья, которое еще в основном находится под византийским контролем. Это все, что он мог сделать. Если же после его предупреждений эти глупцы все равно дадут себя уничтожить, виноваты будут только они сами. Он огорчится, но не до слез.

Не прошло и нескольких дней после расставания Мануила с крестоносцами, как резвые гонцы доставили ему известия из Малой Азии. Немецкую армию турки захватили врасплох у Дорилеи (теперь Эскишехир) и разбили наголову. Сам Конрад спасся и присоединился к французам в Никее, но девять десятых его людей лежали теперь мертвыми среди развалин немецкого лагеря.

Второй крестовый поход начался ужасно. Конрад и те немцы, кто уцелел в резне под Дорилеей, прошли вместе с французами до самого Эфеса, где объединенная армия остановилась на празднование Рождества. Там король серьезно заболел. Оставив соотечественников продолжать путь без него, Конрад возвратился в Константинополь на лечение и оставался в императорском дворце в качестве гостя до марта 1148 г., когда Мануил предоставил ему корабли, чтобы добраться до Палестины. Тем временем французы и их дамы (хотя в целом им повезло больше, чем немцам) совершали тяжкий переход через Анатолию и тоже серьезно пострадали от турок. Несмотря на то что главная вина за трудности лежала на самом Людовике, поскольку он не последовал совету Мануила держаться побережья, король упорно приписывал любое столкновение с противником либо недобросовестности Византии, либо ее предательству, либо тому и другому вместе, и его обида на греков быстро переросла в почти патологическую злобу. В конце концов, испытывая полное отчаяние, он вместе с семьей и значительной частью конницы (кому хватило места) отплыл из Атталии (теперь Анталия), бросив остальную армию и всех пилигримов пробиваться по суше, как могут. Стояла уже поздняя весна, когда жалкие остатки большого войска, которое так уверенно выступило в поход год назад, добрались до Антиохии.

И это было только началом злоключений. Могущественный Занги умер, но власть перешла к его еще более сильному сыну Нур ад-Дину. Крепость Нур ад-Дина в Халебе (современный Алеппо) превратилась в центр мусульманского противодействия франкам. Таким образом, именно по ней следовало нанести первый удар, и, как только Людовик оказался в Антиохии, князь Раймонд сразу начал подталкивать его к немедленному штурму города. Король отказался (что было характерно для него) на том основании, что должен первым делом помолиться у Гроба Господня. Тогда королева Алиенора (чьей любовью к мужу, мягко скажем, не увеличили опасности и неудобства пути из Франции и чьи отношения с Раймондом, похоже, несколько вышли за пределы чисто родственных) объявила о намерении остаться в Антиохии и просить развода. Она и Людовик были дальними родственниками, при заключении брака на

вопрос кровного родства закрыли глаза, но, если его поднять, он мог стать очень неудобным – и Алиенора это знала.

Людовик, при всей его унылости, в критические моменты присутствия духа не терял. Игнорируя протесты жены, он решительно потащил ее в Иерусалим, но прежде ему удалось так восстановить против себя Раймонда, что тот отказался впредь участвовать в Крестовом походе. Нет сомнений, что король вышел из ситуации достойно, насколько это было возможно, однако сама ситуация, да еще сложившаяся в такой момент, безусловно, пагубно сказалась на его репутации. Он и молчаливая Алиенора прибыли в Священный город в мае, вскоре после Конрада. Их встретили со всеми надлежащими церемониями королева Мелисенда и ее сын Балдуин III, которому к тому времени исполнилось восемнадцать лет. Французская королевская чета оставалась в Иерусалиме около месяца, а затем направилась в Акр, где 24 июня собрались все крестоносцы, чтобы обсудить план действий. Они быстро пришли к решению: необходимо немедленно мобилизовать все силы для совместной атаки на Дамаск.

Невозможно понять, почему крестоносцы выбрали Дамаск в качестве первой цели. Это было единственное значительное арабское политическое образование во всем Леванте, недружественное Нур ад-Дину, поэтому его можно и должно было превратить в бесценного союзника. Своим нападением франки толкнули город в ряды мусульманского союза Нур ад-Дина и тем самым фактически обеспечили себе неизбежное поражение. Подойдя к Дамаску, крестоносцы обнаружили, что городские стены крепки, а защитники исполнены решимости постоять за себя. На второй день осаждающая армия после нового пагубного решения передвинула лагерь к юго-восточной части стены, где не было ни тени, ни воды. Палестинские бароны, которые уже перессорились по поводу будущего города после его захвата, неожиданно начали настаивать на отступлении. Поползли слухи о подкупе и предательстве. Людовик и Конрад изумлялись, возмущались, но вскоре тоже осознали реальное положение вещей. Продолжение осады означало бы не только передачу Дамаска в руки Нур ад-Дина, но и, учитывая всеобщее падение боевого духа, почти неминуемое уничтожение всей армии крестоносцев. 28 июля, всего через пять дней после начала кампании, они дали приказ к отступлению.

Нет в сирийской пустыне места, более угнетающего душу, чем серое однообразное пространство песка и базальта, которое лежит между Дамаском и Тиверией. Отступая там в разгар лета под испепеляющим солнцем, когда жгучий ветер пустыни дул в лицо, а сзади постоянно подгоняли конные арабские лучники, крестоносцы оставляли за собой зловонную дорогу из мертвых людей и лошадей и, наверное, чувствовали полную безысходность. Это был конец. Их воинство понесло неисчислимые потери и в людях, и в снаряжении. У них не осталось ни воли, ни средств, чтобы продолжать поход. Больше всего мучил стыд. Находясь на марше почти целый год, зачастую подвергаясь смертельной опасности, страдая от жажды, голода, болезней, страшной жары и ужасного холода, эта некогда славная армия, намеревавшаяся отстоять идеалы христианского Запада, отступилась от святого дела всего через несколько дней борьбы, не отвоевав и пяди мусульманской территории. Это было крайнее унижение – такое, какого ни крестоносцы, ни их враги никогда не забудут.

Как ни жаждал Людовик поскорее забыть провальный крестовый поход, он не торопился покидать государства крестоносцев. Как многие путешественники до и после него, он, возможно, не хотел менять мягкое солнце палестинской зимы на штормовое море и заснеженные дороги, которые лежали между ним и собственным королевством. Он также знал, что его брак уже не спасти. В Париже ему придется столкнуться со всеми неприятностями развода, а также политическими последствиями, которые он неизбежно принесет. Только весной 1149 г. Людовик неохотно отправился домой. На этот раз он и Алиенора решили путешествовать морем, но неблагоприятно доверились сицилийскому судну – опасный транспорт для плавания в визан-

тийских водах¹⁷. Где-то в южной части Эгейского моря они наткнулись на греческие корабли, которые тут же развернулись к атаке. Людовику удалось спастись, быстро подняв французский флаг, но одно из его судов сопровождения, на котором находилось несколько членов двора и почти весь груз, попало в руки греков и его победоносно привели в Константинополь. Королева Алиенора, чьи отношения с мужем теперь стали таковы, что она путешествовала на другом судне, едва избежала такой же судьбы – ее спасли вовремя подоспевшие сицилийские военные корабли.

29 июля 1149 г. Людовик наконец сошел на берег Сицилии. Алиенора была обязана присоединиться к нему, и они вместе провели там несколько дней в качестве гостей короля Рожера. Затем королевская чета отправилась в Тускул, ближайший к Риму городок, где папа Евгений, все еще находившийся в бегах, мог безопасно расположиться. Мягкий, добросердечный человек, папа всегда сочувствовал людям в несчастье; а вид Людовика и Алиеноры, переживающих двойной крах – Крестового похода и своего супружества, казалось, причинял ему истинное страдание. Иоанн Солсберийский, который тогда служил при папском дворе, оставил нам очень трогательный рассказ о попытках папы восстановить отношения между мужем и женой:

Он распорядился под угрозой анафемы не произносить ни слова против их супружеского союза и никогда не разрушать его ни под каким предлогом. Такое решение, конечно, порадовало короля, потому что он любил королеву пылко, почти как дитя. Папа положил их спать в одной кровати, которую украсил собственным драгоценным пологом; и каждый день во время их краткого визита старался дружеской беседой возродить любовь между ними. Он осыпал их подарками, а когда им настала пора уезжать, не смог сдержать слез.

Слезы папы, пожалуй, потекли бы еще обильнее, знай он, что все его усилия напрасны. Алиенора уже приняла решение, и ни папа, ни кто-либо другой не мог его изменить. Однако в тот момент она приготовилась соблюдать приличия, сопровождая мужа в Рим (где их доброжелательно принял Сенат и где Людовик, как всегда, преклонял колени во всех главных храмах города), а потом через Альпы в Париж. Прошло еще два с половиной года, прежде чем их брак окончательно расторгли по причине кровного родства; королева была еще молода и только начинала свой удивительный политический путь: полвека она будет влиять на ход европейской истории как жена одного из лучших королей Англии и мать двух худших.

¹⁷ В Сицилийском королевстве тогда правил Рожер II, смертельный враг Византии.

3. Экскалибур в подарок. 1151–1223

Когда разнеслась весть, что король Франции входит в порт Мессины, все местные независимо от возраста и пола побежали увидеть прославленного правителя; но он, удовлетворившись единственным кораблем, без шума причалил у крепости. Ожидавшие его на берегу люди усмотрели в этом свидетельство слабости. Человек, ускользающий таким образом от глаз народа, говорили они, не способен на большие дела...

Жоффрей де Винсоф. Путь Ричарда I и других в Святую землю

В возрасте тринадцати лет сын Людовика VII Филипп во время охоты в Компьенском лесу отстал от свиты и вскоре безнадежно заблудился. В конце концов его, холодного и голодного, нашел местный угольщик, но мальчик тяжело заболел. Король отправился на богомолье в Кентербери просить о выздоровлении сына (молитва была услышана), а на обратном пути в Париж его разбил паралич. 1 ноября 1179 г., согласно старой традиции Капетингов, Людовик короновал Филиппа в Реймском соборе. Церемонию проводил кардинал-архиепископ Реймский с приятным именем Гильом Белые Руки, однако сам король был слишком тяжело болен, чтобы присутствовать на помазании. Не прошло и года, как он скончался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.